

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-2-188-195

УДК 821.16.1

Влияние Гёте на Мандельштама: «Восьмистишия» как «Стихи о познании»

С.А. Корниенко

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
Российская Федерация, 111024, Москва, шоссе Энтузиастов, 21

В статье рассматриваются «Восьмистишия» О.Э. Мандельштама как уникальный жанрово-тематический комплекс, связанный с литературным и философским влиянием И.В. Гёте на Мандельштама. Доказывается, что Мандельштам вступает в «согласительный» диалог с Гёте, поскольку он так же, как и немецкий классик, страстно увлечен научными теориями, а именно теорией и историей биологии, причем у Мандельштама это увлечение особенно возрастает к началу 1930-х годов, то есть в период написания исследуемого цикла. Мандельштамовские «Восьмистишия» и стихотворение «Ламарк» сравниваются с работами Гёте-ученого и его научной поэзией, в частности со стихотворением «Метаморфозы растений». Демонстрируется образная гомология обоих поэтов, анализируются схождения их сюжетных и тропеических ходов, что, несомненно, доказывает воздействие на Мандельштама натурфилософских взглядов Гёте, отразившихся в его поэтической идеологии и идеопоэтике. Показывается, как чувство духовного родства, которое испытывал Мандельштам к Гёте, в особенности после путешествия в Армению (и знакомства с биологом Б. Кузиным), претворяется в эстетические установки и принципы поэтики, особенно ярко проявившиеся в лирической онтологии таких восьмистиший, как «И Шуберт на воде...», «Когда, уничтожив набросок...», «О бабочка, о мусульманка...», «И клена зубчатая лапа...».

Ключевые слова: Мандельштам; Гёте; влияние; биологическая теория; научная поэзия; восьмистишия; цикл

Восьмистишия — распространенная в мировой и русской поэзии малая форма стихотворения. На протяжении литературной истории человечества восьмистишия встречаются в творчестве большого числа поэтов. Эта стихотворная форма существовала еще во времена античности, но своего расцвета достигла в творчестве поэтов итальянского Возрождения: Дж. Боккаччо, Л. Ариосто и Т. Тассо, Данте, которые использовали октаву — одну из форм восьмистишия — во многих произведениях [3. С. 170—173]. В русской литературе восьмистишия закрепились в начале XIX века, возникнув при переводе произведений И.В. Гёте и Дж.Г. Байрона. Причем В.А. Жуковский именно у И.В. Гёте перенял использование октавы в малых лирических жанрах. Этой строфической формой пользовался и О.Э. Мандельштам. Он обращался к восьмистишиям в течение всей своей жизни, с юности и до творческой зрелости.

В 1932—1935-м годах Мандельштам пишет ряд стихотворений, которые затем были скомпонованы в цикл, названный «Восьмистишия». Стихотворения в этом

цикле расположены не в хронологическом порядке, они сгруппированы в соответствии с замыслом автора. Н.Я. Мандельштам указывает, что О.Э. Мандельштам называл этот цикл стихами «о познании»: «О восьмистишиях он говорил, что это стихи о познании, но дальше не углублялся. Философской терминологией он вообще не злоупотреблял» [4].

Порядок следования «восьмистиший» в цикле не является «устоявшимся», «каноническим», — напротив, автор долго относился к ним как к черновикам, наброскам и не воспринимал «Восьмистишия» как законченные произведения [4]. Принятая в соответствии с Полным собранием сочинений [5] последовательность стихотворений в цикле «Восьмистишия» отображает жизненный цикл природы и человека как единое целое, показывает эволюцию творческого мира человека, ее ключевые точки, ее начало и конец. Развитие темы познания и преобразования в цикле отражает этапы роста «большой вселенной» и «малой вселенной»: метаморфозы природосферы и социосферы коррелируют с изменениями внутреннего мира человека так, как это видел автор.

Мандельштам пишет эти стихотворения после своего возвращения из Армении. Во время этой командировки, которую поэт сравнивал с путешествием И.В. Гёте в Италию, он не только заново открывает для себя творчество Гёте, но и глубоко погружается в литературный и научно-философский мир немецкого ученого. Со свойственной ему тонкостью восприятия поэт перенимает гётевскую версию теории взаимосвязи и эволюции всего сущего, а также теорию познания, что отчасти отражается в создании цикла стихотворений «о познании».

Следует отметить, что оба поэта, несмотря на разделяющий их временной промежуток, прошли похожий путь в формировании и развитии мировоззрения. И Гёте, и Мандельштам получили хорошее образование: Гёте учился в одном из самых прогрессивных в XVIII веке Лейпцигском университете, Осип Мандельштам закончил одно из самых передовых учебных заведений Санкт-Петербурга — Тенишевское училище затем поступил в Санкт-Петербургский университет, параллельно прослушал несколько историко-филологических курсов в Гейдельбергском университете и Сорбонне. Знаменательно, что оба поэта, получив гуманитарное образование, со временем обратились к изучению естественно-научных вопросов. Так, Мандельштам уже в период создания своего первого сборника «Камень» высказывает мысль о том, что «изучение поэзии станет наукой только тогда, когда к ней будут применены методы биологии» [4].

Более скрупулезное изучение биологии и обращение к естественно-научным методам для постижения поэзии состоится в жизни Мандельштама значительно позже: после знакомства в Армении в 1930 году с Б. Кузиным, ученым-биологом и знатоком немецкой литературы. Именно Б. Кузин с новой силой разжег интерес поэта к Гёте (на этот период творчества приходится два прямых упоминания имени Гёте в стихах Мандельштама: «К немецкой речи» и «Восьмистишия»).

Во время продолжительных разговоров и завязавшейся впоследствии переписки Б. Кузин знакомит О.Э. Мандельштама с естественно-научными работами И.В. Гёте. С большой долей вероятности следует предположить, что среди них была и *Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären* [1] со своей стихотворной квинтэссенцией «Метаморфоза растений».

Главная мысль этого научного труда состоит в том, что каждое растение (а позже Гёте распространяет свое видение и на животный мир), проходит отдельные ступени развития, которые отнюдь не случайны: они все объединены общим логичным замыслом, взаимодействующими законами образования и развития всего живого. Каждая мельчайшая часть организма оживает, когда исследователь думает о ней не как о мертвой, замкнутой в себе вещи, а как о развивающемся и проходящем становление предмете [8]. Эта мысль Гёте находит отражение в «Восьмистишиях» Мандельштама: поэт рассматривает жизнь вообще и поэзию в частности не как нечто застывшее, сотворенное раз и навсегда, остающееся неизменным. Напротив, в «Восьмистишиях» постулируется мысль о закономерном и логичном развитии, заложенном в зародыше и разворачивающемся по заранее заданным закономерностям.

В цикле «Восьмистишия» очень хорошо проявляется понимание «поздним» Мандельштамом того, что застывшее и неизменное есть мертвое, не способное ни к развитию, ни к созиданию.

В восьмистишии «И клена зубчатая лапа...» поэт как бы полемизирует с собой более ранним, обращаясь к образу Айя-Софии. Примечательно, что этому храму посвящено одно из самых значительных ранних стихотворений Мандельштама — «Айя-София» [5. С. 61]. В 1912 году в стихотворении применительно к Айя-Софии использованы слова и словосочетания: «остановиться», «на цепи подвешен», «века переживет» — они дают ощущение, с одной стороны, монументальности, а с другой стороны — легкости строения. Однако эти качества показаны как замершие в веках, в них нет развития, а значит, нет и жизни. Они продемонстрированы неизменными, как в древние времена «царей и народов», так и в настоящее время. В стихотворении же «И клена зубчатая лапа...» [5. С. 186—187]. Мандельштам называет Собор Святой Софии живым, сравнивает его с растением, которое меняется и накапливает свой собственный опыт с веками. В этом стихотворении Айя-София — это древо жизни, соединяющее земное и небесное, вокруг него порхают бабочки-люди, они раскрашивают его разными цветами: бабочка, тот образ, который поэт использует в двух восьмистишиях. И в обоих мы видим не застывшую картину, а развитие, бурное и мимолетное течение жизни бабочки:

О, бабочка, о, мусульманка,
В разрезанном саване вся —
Жизняночка и умиранка,
Такая большая — сия!

С большими усами кусава
Ушла с головою в бурнус [5. С. 185].

Бурнус — это арабский плащ с капюшоном, то есть героиня заворачивается в него, а нам известно, что Собор Святой Софии изначально был христианской святыней, лишь затем перестроенной в мечеть, что сродни бабочке, одевающей арабский наряд. Образ бабочки позволяет логически объединить два восьмистишия:

И можно из бабочек крапа
Рисунки слагать на стенах.

Бывают мечети живые —
И я догадался сейчас:
Быть может, мы — Айя-София
С бесчисленным множеством глаз [5. С. 187].

И их соединение позволяет почувствовать новый образ: бабочка, летающая не вокруг мертвого камня собора, а вокруг медленно растущего, но такого же живого, как бабочка, клена.

Поэт проводит параллели между архитектурой и поэзией. В стихотворении «Когда, уничтожив набросок...» читаем: «Он так же отнесся к бумаге, / Как купол к пустым небесам» [5. С. 186]. Создание литературного произведения подобно проектированию здания: из первобытной тьмы приходит идея, неважно идея стихотворения или идея нового строения. Но идея стихотворения, так же как и храмовая постройка, упомянутая прежде, живая, она существует и развивается по тем же законам, что и живое существо, более того, она обладает душой, собственным «я».

Запись этой идеи на бумагу, облачение ее в форму стихотворения (а идеи здания — в само строение) не «убивает» ее; и идея и здание продолжают жить после того как они завершены творцом. Отсюда эта идея «держится сама» в темноте, начинает жить сама сразу после своего появления.

Момент же возникновения *идеи* хорошо прослеживается в предыдущем, пятом, стихотворении:

Преодолев затверженность природы,
Голуботвердый глаз проник в ее закон [5. С. 186].

В нем описывается процесс ее рождения, он же процесс рождения жизни. Все окружение, «природа», противодействует появлению нового, но это новое в момент своего появления развивается изнутри наружу, у него присутствует «пространства внутренний избыток» [5. С. 186], и оно рвется наружу, как «из груди рвется стон» [5. С. 186].

Возвращаясь к «Метаморфозе растений» И.В. Гёте [1], мы видим принципиальное родство «Восьмистиший» Мандельштама со стихотворением Гёте не только в форме основной идеи произведения — жизненный цикл и эволюция, но и в мимолетных образах, использованных обоими поэтами. В «Метаморфозе растений» читаем:

Einfach schlief in dem Saamen die Kraft, ein beginnendes Vorbild
Lag verschlossen in sich unter die Hülle gebeugt:
Blatt und Wurzel und Keim, nur halb geformet und farblos,
Trocken erhält so der Kern ruhiges Leben bewahrt,
Quillet strebend empor, sich milder Feuchte vertrauend
Und erhebt sich sogleich aus der umgebenden Nacht [1].

В стихотворении автор описывает силу, заключенную в семени: в нем содержится новая жизнь, маленькое растение, полуразвитые части растения. Но эта сила не только и не столько для того, чтобы превратить семечко во взрослое растение, эта сила — “Vorbild”, то есть образец, прообраз растения. Жизненная сила,

отличающая сухое семечко от неживой природы рядом, которая только и ждет, чтобы на семечко попала вода, и тогда она проснется и вырвется наружу, навстречу большому миру вокруг маленького семечка, «поймет пространства внутренний избыток». У Мандельштама читаем: «И тянется глухой недоразвиток» [5. С. 186] — практически дословная цитата из «Метаморфозы растений» Гёте («полуразвитые» члены растения в семени) [1]. Далее у Мандельштама указано, что недоразвиток тянется «дорогой, согнутою в рог» [5. С. 186]: сначала побег, согнувшись, находится в семечке, но потом распрямляется и начинает расти. У Гёте упоминается, что все части растения пребывали в семени «согнувшись» — “gebeugt”.

В «Восьмистишиях» присутствует и прямое упоминание Иоганна Вольфганга Гёте: строка «И Гёте, свищущий на вьющейся тропе» [5. С. 186] из седьмого стихотворения. Этот образ является аллюзией на «Счастлирое событие» — встречу Гёте и Шиллера, примечательную, в частности, тем, что в ходе беседы двух великих людей естественно-научное миропонимание Гёте столкнулось с современным философским мировоззрением Шиллера: «Я быстро посвятил его в свои мысли о метаморфозе растений и несколькими характерными штрихами набросал для него символическое растение. Он слушал и всматривался в мой рисунок с большим вниманием, проявляя недюжинную способность все схватывать на лету, но когда я кончил говорить, покачал головою и сказал: это не опыт, а идея» [2]. Впечатление, что Мандельштам в своем стихотворении отразил именно эту встречу усиливается при прочтении последних строк:

И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты [5. С. 186].

В этих строках заключена квинтэссенция противоречия между двумя поэтами-философами, возникшего во время их первой встречи. Тем не менее эта разница во взглядах не помешала установлению крепкой и плодотворной дружбы.

Как замечено многими исследователями, например Б. Успенским, в стихотворениях Мандельштама 1930-х годов присутствует обилие научных терминов [7. С. 216]. Это говорит не только о том, что поэт глубоко интересовался наукой в данный период, но и о том, что Мандельштам пытался облечь свои научные воззрения в стихотворную форму. Восьмистишия близки по замыслу к известному стихотворению «Ламарк», написанному в тот же творческий период в 1932 году. Одной из центральных тем в нем, так же как и в «Восьмистишиях», является эволюция — так называемая «лестница Ламарка», по которой ступает герой, проходя все стадии развития всего живого:

На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.
К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав среди ящериц и змей,
По упругим сходям, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей [5. С. 171].

Герой оглядывается по сторонам и видит существа, населяющие каждую ступень, они олицетворяют те качества, физиологические и духовные характери-

ки, которые теряет герой, спускаясь по лестнице вниз, к небытию. Но если идея «Ламарка» сформировалась в голове поэта, то сложно переплетенным конструкциям и образам восьмистиший так и не суждено было сложиться в завершённое произведение. По словам Н.Я. Мандельштам, поэт долгое время отказывался записывать восьмистишия, называя их отрывками незаконченного стихотворения [4].

В этой связи любопытно отметить, что стихотворения, объединяющие науку и поэзию или, скорее, пытающиеся объяснить «скудную» научную теорию красивым и искрометным художественным языком, очень характерны для творчества И.В. Гёте: упомянутые выше «Метаморфоза растений» и «Метаморфоза животных» были написаны немецким поэтом для популяризации своих теорий [6]. Этим же путем пошел и О.Э. Мандельштам, попытавшийся, и отчасти успешно, обложить свои философские и научные воззрения в стихотворную ткань.

Если цикл «Восьмистишия» представляет собой наброски к так и не написанному стихотворению, то оно, на наш взгляд, должно было содержать научную концепцию о природе человека, получении знания и мире вокруг. В стихотворной форме поэт, вероятнее всего, планировал передать свою теорию, отражающую самые важные детали нашего мира и его восприятия с опорой на известных людей, олицетворявших что-то важное для миропонимания поэта. К сожалению, мы вынуждены лишь домысливать за поэтом, опираясь на творчество Мандельштама, воспоминания его вдовы и критические труды. С уверенностью можно сказать, что, хотя поэту и не удалось собрать несколько разрозненных концепций в одно большое произведение, тем не менее «Восьмистишия» — подлинный шедевр поздней поэзии Мандельштама, в котором нашли отражение две основных тенденции этого периода творчества поэта. Эти две тенденции — глубокий интерес к науке, к естественно-научным концепциям и инспирированное этим интересом обращение к творчеству Иоганна Вольфганга Гёте, увлеченного той же самой задачей объединения естественно-научного и одновременно лирико-философского постижения и отображения мира.

© Корниенко С.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] *Goethe J.W.* Die Metamorphose der Pflanzen. URL: https://de.wikisource.org/wiki/Die_Metamorphose_der_Pflanzen (дата обращения: 12.11.2018).
- [2] *Гёте И.В.* Счастливое событие / пер. Н. Вильмонт. URL: <http://gete.velchel.ru/index.php?cnt=21&sub=2> (дата обращения: 10.11.2018).
- [3] *Кихней Л.Г.* Функции шекспировских и дантовских мотивов в поэзии Анны Ахматовой // Русская литература. 2014. № 2. С. 156—176.
- [4] *Мандельштам Н.Я.* О восьмистишиях. URL: [http://wikilivres.ru/O_Восьмистишиях_\(Н._Мандельштам\)](http://wikilivres.ru/O_Восьмистишиях_(Н._Мандельштам)) (дата обращения: 10.11.2018).
- [5] *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. 968 с.
- [6] *Свасьян К.А.* Гёте. М.: Мысль, 1989. 191 с.

- [7] *Успенский Ф.Б.* Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама: «Соподчиненность порыва и текста». М.: Языки славянской культуры, 2014. 219 с.
- [8] *Штайнер Р.* Естественно-научные труды Гёте / пер. с англ. Р.Г. Идлис. URL: http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Ga_Book&Id=001&Bid=1 (дата обращения: 10.11.2018).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 февраля 2019

Дата принятия к печати: 28 февраля 2019

Для цитирования:

Корниенко С.А. Влияние Гёте на Мандельштама: «Восьмистишия» как «Стихи о познании» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2019. Т. 24. № 2. С. 188—195. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-2-188-195>

Сведения об авторе:

Корниенко Сергей Анатольевич, аспирант кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова. *Контактная информация:* e-mail: sergeykornienko@mail.ru

The influence on Mandelstam by Goethe: “The Octaves” as “The Poems on the Cognition”

Sergey A. Kornienko

*Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov
21 Enthusiastov Highway, Moscow, 111024, Russian Federation*

The article considers “The Octaves” by O.E. Mandelstam as the unique complex of genre and theme connected not only with the literary but also with the philosophical influence of J.W. Goethe on the Mandelstam’s poetry. It is proved that Mandelstam enters the consensual dialogue with Goethe because at the time of creating the studied cycle of poems, at the beginning of 1930s, Mandelstam’s interest in scientific theories, especially in biology and history reached its pinnacle. Mandelstam’s “The Octaves”, “Lamarck” are compared with scientific works of J.W. Goethe as well as with his science-related poetry, in particular with “Metamorphosis of Plants”. Imaginative homology of both poets, convergence of their plots and trope functions are demonstrated. All this undoubtedly proves that Mandelstam was affected by Goethe’s beliefs reflected in his ideology and ideopoetic.

It is shown how the feeling of spiritual connection with Goethe which Mandelstam had, especially after his journey to Armenia (and acquaintance with biologist B. Kuzin) is converted into aesthetic world view and poetic principles. It brightly manifests itself in lyrical ontology of such “The Octaves” like: “Both Schubert on the waters and Mozart in birds’ chirping...”, “When having destroyed a draft...”, “Oh, Moslem-butterfly...”, “And the jagged bough of a maple-tree...”.

Keywords: Mandelstam; Goethe; influence; octaves; cycle; scientific poetry; biological theory

References

- [1] Goethe J.W. *Die Metamorphose der Pflanzen*. https://de.wikisource.org/wiki/Die_Metamorphose_der_Pflanzen (accessed: 12.11.2018).
- [2] Goethe J.W. *Schastlivoe sobytie [Glückliches Ereignis]*. <http://gete.velchel.ru/index.php?cnt=21&sub=2> (accessed: 10.11.2018).
- [3] Kikhney L.G. Funktsii shekspirovskikh i dantovskikh motivov v poezii Anny Akhmatovoy. *Russkaya literatura*. 2014. No. 2. Pp. 156–176.
- [4] Mandelstam N.Ya. *O vosmishistiyah [On Octaves]*. [http://wikilivres.ru/O_Восьмистишиях_\(Н._Мандельштам\)](http://wikilivres.ru/O_Восьмистишиях_(Н._Мандельштам)) (accessed: 10.11.2018).
- [5] Mandelstam O.E. *Collected works: in 3 vol. Vol. 1. Poems*. Moscow: Progress-Pleyada Publ., 2011. 968 p.
- [6] Svasyan K.A. *Goethe*. Moscow: Mysl Publ., 1989. 191 p.
- [7] Uspenskij F.B. *Raboty o yazyke i poehtike Osipa Mandelstama: "Sopodchinennost poryva i teksta" [Works on language and poetry of Osip Mandelstam: "Co-ordination of impuls and text"]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2014. 219 p.
- [8] Steiner R. *Estestvenno-nauchnye trudy Goethe [Goethes naturwissenschaftliche Schriften]*. http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Ga_Book&Id=001&Bid=1 (accessed: 10.11.2018).

Article history:

Received: 20 February 2019

Revised: 25 February 2019

Accepted: 28 February 2019

For citation:

Kornienko S.A. (2019). The influence on Mandelstam by Goethe: "The Octaves" as "The Poems on the Cognition". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(2), 188–195. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-2-188-195>

Bio note:

Sergey A. Kornienko, postgraduate student of Journalism History and Literature Department, Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov. *Contacts*: e-mail: sergeykornienko@mail.ru